

ПУШКИН И ДОСТОЕВСКИЙ КАК НАРОДНЫЕ ГЕРОИ (К вопросу о массовом восприятии личности и судьбы гения)

Проблема рецепции предполагает прежде всего изучение восприятия того или иного явления искусства массовым сознанием. Рецептивная эстетика в основном занимается проблемами массовой культуры. Для нашей науки это пока сфера достаточно экзотичная (существовавшая довольно долго негласная задача – выдавать желаемое за действительное – не давала возможности изучить реальное состояние массового сознания). Кроме того, слабо отработаны методы изучения (социометрия). Но говорить о проблеме восприятия массовым сознанием гениев можно, опираясь на целый ряд свидетельств той же художественной литературы, воссоздающей и эти явления.

Следует отметить, что массовое сознание по отношению к любому виду гениальности реализует примерно одну и ту же схему: принизить гения до своего уровня и понимания, объяснить (а лучше заслонить) его гениальность исключительно бытовыми моментами его частной жизни. Отсюда высокий интерес к биографиям великих людей, а также такое явление, как «оболванивание» смысла их произведений (сведение гениальных произведений искусства до уровня китча). На перекрещении этих двух тенденций возникает зона создания современного «мифа»¹ о культурном герое нового времени – гении. Процесс этот (по его механизмам) сложен, поэтому отметим конкретные факты такой «мифологизации» интересующих нас авторов.

Отметим сразу следующее: есть философско-эстетическая сторона такого «омифотворения», а есть социальная (термины условны). Первая связана с сознанием читателей «высокого класса» – ученых и любителей с хорошим вкусом. Вторая связана с читателями «среднего и низкого уровня», а также с не-читателями (теми, кто «слышал», «что-то говорили в школе», «по телевизору видел» и т. п.). В русле первого слоя восприятия (изысканного, воспитанного) есть место «мифу», поскольку формируется клише, стандарт восприятия на самом высоком научном уровне (это можно назвать синдромом академизма). Применительно к Пушкину и Достоевскому общий модус академического восприятия таков: Пушкин свет и веселье, Достоевский – «темный правитель Вселенной», знаток глубин (черных) человеческой психологии. Пушкин – гармония, Достоевский – лихорадочность и метания и т. п. Причем всякий раз, когда это мнение стремятся изменить

(масса работ о гармонии Достоевского и дисгармонии Пушкина), эти убедительные доводы не колеблют главного «мифа».

На втором уровне «омифотворения» картина несколько иная, хотя и похожая. Следует сразу оговориться, что в массовом сознании, по-видимому, Пушкин все равно № 1, а Достоевский – один из... (т.е. Достоевский включен в ряд других «мифологизированных» писателей – Лермонтов, Гоголь, Толстой). В создании специфического «национального мифа» о Пушкине участвовал и сам Достоевский (который всегда признавал свою вторичность по отношению к Мастеру).

«Национальный миф» о Пушкине.

Достоевский участник создания «мифа»

«Мифологизированность» образа Пушкина совершенно очевидна. Легендарность его возникла еще при жизни (нередкий случай) и усилилась и упрочилась потом (редкий случай). Легенды о Пушкине складывались в целый цикл «мифов» о культурном герое – Прометее своей эпохи². К этому разделу относится массовая культура, в частности, рекламная кампания, начавшаяся в 1880 году (в связи с открытием памятника Пушкину в Москве) и продолженная в 1899, 1937, 1949³; вероятно, 1999 году уже уготовано место в этом юбилейном ряду.

В массовом сознании Пушкин был в первую очередь беспечным весельчаком (Лебезятников в «Преступлении и наказании» Достоевского говорит о «рогах»: «Это скверное, гусарское, пушкинское выражение даже невысказуемо в будущем лексиконе»⁴). В книге «Легенды и мифы о Пушкине» собран ряд свидетельств такого восприятия⁵.

Достоевский, прежде всего, «ломал» «миф» о Пушкине-гусаре и скабреснике и упрочивал другой (Пушкин – всемирная отзывчивость – пророчество и указание – Некрасов равен Пушкину, но не выше Пушкина и т.п.). Ему принадлежит честь одного из первых *настоящих* прочтений «полного» Пушкина (издание Анненкова 1855 года⁶). Достоевский начал с благоговейного перечитывания Пушкина (и чуть не всего знал наизусть⁷), а зенитом славы Достоевского стала речь о Пушкине (здесь два легендарных героя легендарно встретились).

«Миф» о Достоевском

Казалось бы, «миф» о Достоевском не выходит за рамки академизма (т.е. не распространился до общенационального уровня). На самом деле это не так. Этот «миф», конечно, не равен пушкинскому. Но он существует⁸. «Мифы» о Достоевском сводились к следующему:

1. Достоевский – развращенный, страшный человек, умеющий точно воспроизводить все преступления своей жизни, приписывая их своим героям (нельзя так описать муки преступника, если сам этого не пережил).
2. Достоевский – юродивый, блаженный, припадочный. сумасшедший с лихорадочно блестящими глазами.
3. Достоевский – защитник униженных и оскорбленных, сам безвинно пострадавший, целитель душ, проповедник и пророк.

Самый устойчивый «миф» первый. Показательно, что именно «темная сторона» жизни гения привлекала внимание более всего. Эффект «пережитости» в произведениях Достоевского так велик, что и в тех случаях, когда автобиографическая основа отсутствует, возникает соблазн предположить, что «автор все это сам пережил». Неоднократно современники обвиняли писателя в тех преступлениях, которые совершили его персонажи. Наиболее откровенно эти «глухие» мнения выражены были Н.Н. Страховым в письме Л.Н. Толстому при посылке биографии Достоевского, которую Страхов только что написал: «Все время писания я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне отвращением (...) Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен (...) Лица, наиболее на него похожие, – это герой «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах» (...) Это был истинно несчастный и дурной человек, который воображал себя счастливым, героем и нежно любил одного себя»⁹. Такая точка зрения перекликается с исследованиями биографии писателя, стремящимися объяснить «странными» фактами его жизни «изломанность» и напряженную «надрывность» всего творчества Достоевского (идея «сквозного автобиографизма» творчества: М.В. Волоцкой, И. Нейфельд). Важнейшие факты биографии, по мнению некоторых авторов, повлиявшие на творчество Достоевского, – его болезнь (эпилепсия, сопровождаемая припадками), «эдипов комплекс», склонность к тяжелым депрессиям и сексуальные проблемы¹⁰. Таким образом, первый и второй «мифы» переплелись.

Впрочем, это один из законов рецепции гениальности: стремление приблизить необыкновенное к обыденному уровню, стандарту, спустить с пьедестала. Пушкин – пьяница, Достоевский – эпилептик. В известном исследовании М. Волоцкого о роде Достоевских специально отмечаются факты сумасшествия, самоубийств разных родственников писателя, что должно представить картину тяжелой наследственности. Ближе к этой традиции исследование Фрейда и Нейфельда.

В годы революции и гражданской войны отношение к Достоевскому стало определяться третьим «мифом». Достоевский оказался великим гуманистом на уровне самого простого сознания людей, никогда не читавших его произведения. Но и это было связано с его биографией, только теперь стало актуализовываться его каторжное прошлое. Даже «карантин» (когда произведения Достоевского были исключены из школьной программы, да и сам он объявлен «persona non grata») не уничтожил «народной памяти». Проследить эти факты сложно, даже порой невозможно.

*«Омифотворение» Достоевского и Пушкина
(по материалам литературы XX века)*

Остается обратиться к художественной литературе и посмотреть, как по ее свидетельству гениальность Пушкина и Достоевского отразилась в массовом сознании.

«Что я, Пушкин? – Пусть Пушкин делает» – это общее место «мифа» о Пушкине, отражающее главную идею – Пушкин может все, он бесстрашен, он весельчак, ему все нипочем.

Достоевский в разряд фразеологии попал тоже, хотя и не так общеизвестно¹¹.

Вспомним литературные анекдоты, приписываемые Хармсу. Из 58 текстов, объединенных в этом сборнике, 40 о Пушкине, 10 о Достоевском. Один из самых показательных такой: «Ф.М. Достоевский, царство ему небесное, страстно любил жизнь. Она его, однако, не баловала, поэтому он часто грустил. Те же, кому жизнь улыбалась (например, Лев Толстой), не ценили этого, постоянно отвлекаясь на другие предметы. Например, Лев Толстой очень любил детей. Они же его боялись. Они прятались от него под лавку и шушукались там: «Робя, вы этого дяденьку бойтесь. Еще как трахнет костылем!» Дети любили Пушкина. Они говорили: «Он веселый! Смешной такой!» И гонялись за ним босягой стайкой. Но Пушкину было не до детей. Он любил один дом на Тверском бульваре, одно окно в этом доме... Он мог часами сидеть на широком подоконнике, пить чай, смотреть на бульвар... Однажды, направляясь к этому дому, он поднял глаза и на своем окне увидел – себя! С бакенбардами, с перстнем на большом пальце! Он, конечно, сразу понял, кто это. А вы?»

Авторы этого текста фиксируют важнейшие моменты восприятия личности Пушкина и Достоевского на бытовом уровне: Пушкин веселый и смешной, хотя, возможно, и страдает, Достоевский мрачный и печальный, хотя и самолюбивый.

В то же время среди этих анекдотов есть концептуально важный для темы нашего исследования: «Пушкин сидит у себя и думает: «Я – гений, ладно. Гоголь тоже гений.

Но ведь и Толстой – гений, и Достоевский, царство ему небесное, гений!

Когда же это кончится?

Тут все и кончилось».

Пушкин открывает, а Достоевский замыкает парадигму русской культуры. В этом смысле они крайности, но в то же время объединенные общей высокой задачей служения искусству (в русском варианте это значило – служения гуманизму). И все-таки Пушкин в этих анекдотах совершенно бессмертен, а Достоевский, напротив, заведомо клиширован фразой «царство ему небесное».

Эти мотивы повторяются в ряде произведений художественной литературы. У Платонова в «Чевенгуре» хромой уполномоченный волревкома Игнатий Мошонков переименовал себя в честь памяти известного писателя в Федора Достоевского. (Два других переименованных носят имена Франца Меринга и Христофора Колумба, но «Достоевский» сомневается насчет революционности этих имен. Революционность его собственного имени для него очевидна).

У Булгакова в «Мастере и Маргарите» валюту, по мнению Никанора Ивановича Босого, должен сдавать Пушкин, а куплеты из «Скупого рыцаря» становятся для этого героя наваждением до такой степени, что его чуть не хватил удар от радости по поводу смерти их исполнителя.

Достоевский тоже попадает в этот роман: «Достоевский умер» – «Неправда, Достоевский бессмертен!».

В пьесе Радзинского «Старая актриса в роли жены Достоевского» (сценический вариант названия – «Проба на роль великой актрисы») история взаимоотношений Достоевского и Анны Григорьевны отражается во взаимоотношениях двух персонажей. «Феде Достоевскому от Володи Высоцкого», «Феде Достоевскому от его заочного друга Льва Толстого», – подписывает герой книги. О своей самоидентификации с Достоевским он рассказывает так: «Хватаю Федину биографию! Он – Федя, я – тоже! У него припадки – у меня тоже! Я проклиная свои грехи, но держусь за них, он – тоже! Я всегда требовал принять меня таким, как есть – «черненьким», он – тоже»

В романе Битова «Пушкинский дом» Пушкин и Достоевский сплетены в прозрачном каламбуре: «Бедный всадник – Медные люди». Это два полюса петербургского мифа – Пушкинский символ Государства и «простонародный» символ Достоевского – оказываются взаимопереходными. «Маленький человек» вполне может оказаться «меднолобым», а всемогущий властелин – букашкой, ничтожеством.

В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» главный герой смотрит в театре пьесу «Мармеладов и Раскольников» (время действия – 1918 год):

«Я Мармеладов. Сказать по секрету,
Мне уже некуда больше идти.
Долго ходил я по белому свету,
Но не увидел огней впереди.
Я заклопочаю по вашему взгляду,
Что вам не чужд угнетенный народ.
Может быть, выпьем? Налить вам?
Не надо...»

Разговор в том же духе сводится к требованию Мармеладова продать ему топор, что висит, увитый розами, под мышкой Раскольникова. Когда же Раскольников требует от Мармеладова снять маску, оказывается, что это старуха. Она прыгает на Раскольникова и душит его, а потом совершает ужасный танец с топором.

Конечно, примеры можно продолжить.

Таким образом, рецепция произведений и судеб Пушкина и Достоевского идет в направлении дальнейшего (и, похоже, усиливающегося) «омифотворения», так что поиск механизмов этого процесса представляется сейчас актуальной литературоведческой и культурологической задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мифологизированность сознания заинтересовала исследователей нового времени давно. Ритуально-мифологическая школа выдвинула тезис о «сквозной» мифологизированности всех культурных сфер нового времени, в том числе и литературы. Мифологизированность предполагала наличие в сознании каждого человека (в том числе творца) некоей неосознанной, гемной зоны «прасознания», где и бытует миф. Миф в этом смысле побеждает разум: давно уже открыты тайны бытия, а сознание упрямо озаряется мифосхемой. В XX в. мифологическая школа размахнулась до всемирного охвата, в любом тексте усматривая мифические структуры (особенно обряд инициации). Литература оказалась тем самым ритуалом нового времени, в котором миф оживает (см. подробнее: Удлер П. М. Ритуально-мифологическая школа в зарубежном литературоведении: Программа и методические материалы спецсеминара. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1998). Но с другой стороны, сознание, способное к воспроизведению мифа, может генерировать новые мифоструктуры по образцу. Так возникает мифотворчество нового времени со своими законами и входящими в «большую жизнь» новыми мифами. Без сомнения, это микропроцесс по сравнению с огромностью коллективного бессознательного прежних эпох. Но его значение в культурной ауре нации и человечества не так уж и мало. Например, миф о кровожадности и безумии «красных» русских, одержимых идеей мировой революции, формировал не только западное сознание, но и психику, скажем, рядового американца (статистика психических заболеваний после выступления Хрущева в ООН). Следовательно, этот микропроцесс должен быть изучен, осознан. Для узкого специалиста-литературоведа это превосходное поле размышлений о причудливости путей восприятия разных культурно-исторических фактов, в том числе литературных текстов, массовым сознанием.

- ² Виралайнен М. Н. Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. ст. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проспект», 1994. С. 321–341.
- ³ Михайлова Н. И. «Шоколад русских поэтов – Пушкин» // Там же. С. 286.
- ⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 289.
- ⁵ Виралайнен М. Н. Указ. соч. С.339–340.
- ⁶ См., например, решительное высказывание А.Л. Бема: «Европа, которая одно время с такой силой пережила воздействие Достоевского, не догадывалась, что вся его проблематика уже заложена в Пушкине... «Гениальный читатель» Пушкина, Достоевский вскрыл перед нами эти глубины, и мы ужаснулись им. В Достоевском, наравне с Л. Толстым, весь мир увидел высшее проявление русского гения. Но сам Достоевский был бесконечно прав, когда утверждал, что истоки его и всей русской литературы в Пушкине, что русским писателям, даже самым гениальным, последовавшим за ним, «дано было только вскрыть и досказать намеченное им». Бем А.Л. О Достоевском: У истоков творчества Достоевского (Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский). Прага: Петрополис, 1936. С. 39–40.
- ⁷ Достоевский А.М. Из «Воспоминаний» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 81.
- ⁸ См. обстоятельную статью В. Н. Захарова «Синдром Достоевского» об академических и политических ярлыках и клише, формирующихся вокруг имени Достоевского, начиная с его времени и до наших дней (Север. 1991. № 11. С. 145–151).
- Переписка Л.Н. Толстого со Страховым. СПб.: Изд-во Толстовского музея, 1914. Т. 2. С. 266.
- ¹⁰ См. об этом: Загидуллина М.В. Автобиографизм // Достоевский: Эстетика и поэтика. Челябинск, 1997. С. 135–136.
- ¹¹ Шутка семидесятых годов: «достал Достоевский» о дефиците, подобно тому как «пройтись по Чайковскому» – выпить чаю, «сходить к Прокофьеву» – выпить кофе; каламбуры подобного рода имеют довольно давнюю традицию, ср.: «ночевать у генерала Лопухова», то есть в придорожной траве, или «заехать к Храповицкому», то есть поспать.

И.А. Фатеева

ТВОРЧЕСТВО ПУШКИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. В. ДРУЖИНИНА

Имя Пушкина будет навеки обожаемо миром,
ибо он свято выполнил назначение поэта, рассыпая
вокруг себя блага поэзии, стихом своим возбуждая
светлые улыбки собратий, плача вместе с удрученными
и своей веселостью усиливая радость счастливых...
А.В. Дружинин, 1855 г.

Попыток «сбросить Пушкина с корабля современности» было в русской литературе несколько. На одной из них отечественное литературоведение долгое время не любило акцентировать